

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава двадцать восьмая

Это Сталин! Это Чонкин!..

Чейн и Стокс спешат на помощь

За несколько дней до смерти я его видел. В клубе нашего городка. Перед фильмом показывали, как всегда, «Новости дня» и там, кроме прочего, репортаж о вручении в Кремле верительных грамот какими-то послами Председателю Президиума Верховного Совета СССР Швернику. Сам он был в цивильном костюме, но окружен дипломатами в мундирах с блестящими пуговицами, золотыми нашивками и лентами через плечо. Вдруг среди всей этой компании появился невзрачный, маленький, сутулый усатый старичок в сером, с виду сильно поношенном и помятом кителе. Он быстро прошел к стене и прижался к ней спиной, заложив назад руки. Я когда-то слышал, что так всегда делают люди, страдающие манией преследования: прикрываются стеной от возможного нападения... Появление старичка с безнадежно печальными глазами в самодовольной, блиставшей животами и позуменами толпе мне показалось противоестественным. Но не успел я сам для себя решить, что же сие видение значит, как вдруг понял:

— Это же Сталин!

Я с четырнадцати лет, когда согласился с бабушкой, что Сталин — бандит, с большой неприязнью смотрел на все его портреты и изваяния, где он выглядел величественно, с орлиным взглядом из-под круто изогнутых бровей. В кино и на фотографиях, стоящий на трибуне Мавзолея в шинели и фуражке, Сталин отличался от своих портретов, но все же не казался мелким. Но сейчас я вдруг испытал чувство жалости к бедному старику.

А через несколько дней — сообщение Центрального Комитета КПСС: Сталин тяжело заболел, у него дыхание Чейна-Стокса...

Моя тетя Аня потом рассказывала, что за день до того пришла в больницу, куда ее должны были положить по поводу заболевания крови, и там, в вестибюле, увидела большой портрет Сталина:

— Я смотрела на портрет и думала: «Неужели я не доживу до смерти этого изверга?» И решила, что не доживу. Я моложе его на двадцать пять лет, но это ничего не значит, потому что он будет жить вечно.

Мистической вере в бессмертие Сталина были подвержены и те, кто его боготворил, и те, кто ненавидел. Живший в те дни где-то в ссылке диссидент Юра Гастев, услышав по радио про дыхание Чейна-Стокса, побежал за разъяснениями к знакомому доктору, тоже из эзков. Доктор улыбнулся: «Будь спокоен, Чейн и Стокс ребята надежные, еще никого не обманули».

Со мной рядом такого доктора не было, но тот жалкий старичок, которого довелось увидеть в кинохронике накануне, облегчил мне восприятие скорой новости. Старичок выглядел вполне смертным.

Одиннадцатый сталинский удар

Смерть Сталина совпала по времени с нашими выпускными экзаменами. 1 марта мы сдавали теорию двигателя, 3-го — конструкцию МиГ-15, а на пятое число был назначен экзамен по политподготовке.

Не помню, мы уже легли, или еще не встали, или вообще это было среди ночи, когда вбежал дневальный с криком:

— Ребята, Сталин умер!

Все вскочили, включили репродуктор, откуда текла траурная мелодия. Стояли между койками, в одних кальсонах, босиком на цементном полу. Потом было новое сообщение. ЦК КПСС, Совет Министров и Президиум Верховного Совета СССР, заботясь, чтобы страна ни на секунду не оставалась без крепкого руководства, постановили: назначить Председателем Совета Министров Маленкова, Председателем Верховного Совета Ворошилова, военным министром Булганина, министром внутренних дел Берия, Хрущеву предлагалось сосредоточиться на партийной работе... Ближе всех стоял к репродуктору наш запевала Карасев. Каждый

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

В день смерти Сталина весь батальон был выстроен на плацу. Многие плакали, не сдерживаясь. Я не плакал... Вскоре, стоя на этом плацу, я увидел Чонкина, рядового комендантской роты, который чувствовал себя человеком только на конюшне, не подозревая, что впоследствии станет прототипом литературного героя.

раз, когда диктор называл новую фамилию, Карасев кивал головой и хорошо поставленным басом, как будто это было и его глубоко продуманное решение, возглашал:

— Правильно!

Днем весь батальон был выстроен на плацу. Сыпал мелкий снег. Мы стояли с непокрытыми головами. Подполковник Ковалев «толкал» речь, стараясь удержаться от слез. Многие курсанты и офицеры плакали, не сдерживаясь. Я не плакал. Я был рад этой смерти — не жалкого старичка из кинохроники, а того, с орлиным взором, чьим именем вершилось все, что вершилось. Я радовался, но со скорбным видом, опасаясь, что кто-нибудь догадается о моих чувствах. Вскоре я получил доказательство, что опасение мое было не на пустом месте. Знакомая учительница рассказала, что в те дни ее таскали на партбюро: кто-то донес, что она, услышав о смерти Сталина, не заплакала.

Экзамен, как ни странно, не отменили, и мне попался, будто нарочно, билет с вопросом по биографии Сталина. Я перечислил его подвиги и заслуги. Батумская демонстрация, газета «Брдзола», оборона Царицына, коллективизация, индустриализация, разгром оппозиции, десять сталинских ударов. Инсульт, подумалось мне, можно было бы считать одиннадцатым ударом.

Но я, конечно, этой шуткой ни с кем не поделился.

Цирк шапито

Первые мелкие признаки развенчания культа личности Сталина проявились гораздо раньше, чем это заметили историки. В армии — немедленно после смерти генерал-симмуса и для нас не в лучшую сторону.

Авиация была его любимым родом войск, и поэтому рядовых в ней, не считая аэродромной obsługi, вообще не было. Летчики и техники были офицерами, все остальные — сержантами. Мы тоже собирались окончить школу с лычками, но остались рядовыми. Некоторое время после распределения по полкам еще получали 500 рублей в месяц и питание по «шестой норме», в которую включались масло, рис, папиросы «Беломорканал» и еще что-то, чего не было у других. Но через несколько месяцев жалованье нам урезали до 300 рублей, а потом, после моей демобилизации в 1955-м, довольствие механиков было и вовсе доведено до уровня всех рядовых солдат, то есть до 30 рублей.

Но также очень скоро появились признаки и положительных изменений. Уже через две недели нам объявили, что теперь увольнения возможны не только на родине, но и за границей. Правда, групповые, причем группа должна состоять не меньше чем из трех человек. Наше начальство это предписание сразу превратило в абсурд. Решили, что если не меньше трех, то можно больше. Построили нас, выпускников школы и пополнение числом около тысячи, повели в цирк, и этот культпоход записали как увольнение. Цирк шапито, куда нас привели, не имел ни одного туалета. Не знаю, как удовлетворяли естественные надобности гражданские посетители шапито, но солдаты, выйдя в антракте наружу, обступили шатер со всех сторон, и он почти поплыл. Начальству это не понравилось, и увольнения вновь отменили. Зато самоволок по-прежнему было сколько угодно.

Рождение героя

Однажды я, стоя на плацу, увидел странное зрелище: тяжелый немецкий битог тянет по мощенной булыжником дороге телегу-платформу на дутых колесах, а на телеге никого. Я удивился и заглянул под колеса. После чего удивился еще больше. Между колесами лежал солдат. Зацепился ногой за вожжу. Лошадь тянет его, он бьется головой о булыжник, однако не проявляет попыток изменить ситуацию... На другой день я увидел ту же телегу, ту же лошадь и того же солдата-возницу, но теперь он не под колесами валялся, а сидел на том месте, которое должно было бы называться облучком. Голова обмотана грязным бинтом. Бинт из-под пилотки выбился, размотался, конец бинта развеивается на ветру. Слегка подбоченясь и откинувшись назад, солдат потряхивает вожжами, лошадь неохотно трусит мелкой рысью.

— Ого-го! — покрививает солдат, и во всем его облике что-то нелепое и трогательное, что сразу привлекает к нему внимание.

— Кто это? — спросил я стоявшего рядом Генку Денисова.

— Ты разве не знаешь? — удивился он. — Это Чонкин!

Так я впервые услышал эту фамилию. И потом слышал ее часто. Чонкин, рядовой комендантской роты, был из тех, про кого говорят «ходячий анекдот». Про Чонкина рассказывали, что он, малограмотный деревенский парень, не знает уставов, не умеет ходить в ногу, не помнит, какой рукой отдавать честь начальникам, вообще понятия не имеет, где «право», где «лево», всех боится и чувствует себя человеком только на конюшне. Там Чонкин и пребывал, не подозревая, что впоследствии станет виновником рождения литературного героя.

«Итальянский день»

Сорок с лишним лет спустя, вскоре после выхода в России моего романа о солдате Иване Чонкине, получил я из Ленинабада письмо. Полковник в отставке Серобаба спрашивал, не служил ли я в начале 50-х в Шпротаве, не знал ли солдата по фамилии Чонкин (через «г») и не его ли взял в качестве прототипа? Тот реальный Чонкин, сообщил мне полковник, был, кажется, якутом. Он действительно слыл посмешищем, зато был очень хорошим охотником. Я ответил полковнику, что знал такого солдата, не то чтобы лично, а так, видел издали. И был уверен, что настоящая его фамилия Чонкин. Мимолетное впечатление действительно послужило поводом для создания характера моего героя, но именно русского, а не якутского — за якутский характер я бы не взялся. А насчет охоты полковник мне кое-что напомнил...

Обычный понеделник, вегетарианский или, как солдаты его называли, «итальянский» день. А тут вдруг исключение из правила: в обед нам дали по большому куску мяса, правда, довольно жесткого. Мы удивились, стали спрашивать, за что нам такое угощение. Услышали в ответ, что это подарок от наших офицеров-охотников. Они в воскресенье подстрелили оленя и решили угостить нас. Об этой охоте мы уже слышали не только то, что там убили оленя, но и то, что там пропал Чонкин. Его, знавшего толк в охоте, офицеры брали с собой, он умел выслеживать зверя и, как охотничья собака, выгонять под выстрел. После охоты стали собираться домой, Чонкина не обнаружили. Искали до наступления темноты. Предположили, что Чонкин дезертировал. Утром послали комендантскую роту, прочесали ту часть леса, где охотились, и быстро нашли Чонкина. Он лежал в кустах, убитый прямым попаданием в лоб. Естественно, всех охотников допросили, и истина была восстановлена быстро. Капитан Беспятов и майор Петров лежали в засаде, ожидая, когда Чонкин выгонит им под мушку лося. Ждали напряженно. Когда затрещали кусты, Беспятов выстрелил и пошел посмотреть, что там, в кустах. Вернулся на место. Петров спросил:

— Ну, что?

Беспятов ответил:

— Ничего нет.

— А зачем стрелял?

— Показалось, что лось.

Петров потом удивлялся самообладанию Беспятова. Но на первом же допросе Беспятов — а куда ему было деваться? — сознался. Мы, его ученики, ходили навещать капитана на гауптвахте. За убийство по неосторожности ему дали два года без лишения наград и воинского звания.

Продолжение следует